

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 069.68+322+94(470.2)

Приказ Президиума ВЧК всем губЧК № 54 (от 29 апреля 1920 г.) о губернских комиссиях «по охране памятников искусства и старины»

М. Ю. Крапивин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Крапивин М. Ю. 2023. Приказ Президиума ВЧК всем губЧК № 54 (от 29 апреля 1920 г.) о губернских комиссиях «по охране памятников искусства и старины». *Вопросы музеологии* 14 (2): 302–320. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2023.213>

Органы ВЧК — ГПУ — ОГПУ на протяжении многих лет осуществляли сбор и анализ информации о процессах, происходивших в различных социальных слоях, национальных, конфессиональных, профессиональных группах (в тех или иных регионах и по стране в целом). Усилия чекистов были направлены на пресечение скрытого и открытого противодействия советской власти со стороны политических противников режима, реальных или потенциальных, в целом — на подавление любого инакомыслия. Также органы интересовались умонастроениями в среде государственных служащих, в том числе среди научной и творческой интеллигенции. 29 апреля 1920 г. Президиум Всероссийской чрезвычайной комиссии издал приказ за № 54, адресованный территориальным органам ВЧК, с указанием собрать данные (по включенной в текст приказа схеме) о деятельности губернских комиссий «по охране памятников искусства и старины». Чекистов в первую очередь интересовала информация о связях музейных сотрудников со священнослужителями и преподавательским составом бывших духовных учебных заведений. В статье приводятся сведения (в форме анкеты), предоставленные в соответствии с оговоренными в приказе требованиями сотрудниками Новгородской губернской ЧК и направленные ими в Секретный отдел ВЧК и в VIII отдел Народного комиссариата юстиции РСФСР. Публикация осуществляется по подлиннику, хранящемуся в фонде А-353 Государственного архива Российской Федерации. Вводимый в научный оборот архивный источник уточняет и дополняет наши представления о процессе становления музейного дела в Новгороде в первые послереволюционные годы. Документ сопровождается развернутыми комментариями, в частности сведениями о сотрудниках новгородских музеев: А. В. Никифоровском, С. К. Матвеевском, В. А. Квашонкине и др. Особое внимание обращено на перипетии биографии Н. Г. Порфиридова, знакового человека в новгородском музейном сообществе и одного из фигурантов масштабного уголовного дела, заведенного в январе 1933 г. со-

трудниками Полномочного представительства Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе в отношении большой группы лиц, ленинградцев и новгородцев, в том числе музейных деятелей и ученых-краеведов.

Ключевые слова: Всероссийская чрезвычайная комиссия, Объединенное государственное политическое управление, Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства старины и природы Народного комиссариата по просвещению РСФСР (Главмузей), губернская комиссия по охране памятников искусства и старины, музеи Великого Новгорода, христианские (библейские) студенческие кружки, Российское/Русское студенческое христианское движение.

Как известно, советская система политконтроля характеризовалась перманентно возрастающей ролью политического сыска, направленного на нейтрализацию идеологических оппонентов и борьбу с политическими противниками режима. В решениях 3-й Всероссийской конференции ЧК (июнь 1919 г.) особый акцент делался на важности неослабного «внешнего и внутреннего наблюдения за деятельностью и деятелями антисоветских политических партий, белогвардейских и контрреволюционных элементов», в том числе за поведением реакционного (черносотенного) духовенства¹. В тексте Инструкции об организации и работе местных органов ВЧК, одобренной делегатами 4-й Всероссийской конференции губернских, транспортных чрезвычайных комиссий и особых отделов (февраль 1920 г.), речь шла о необходимости обеспечить «негласный надзор» не только за «противосоветскими <...> политическими партиями, группами и лицами», но и за служащими «советских и прочих учреждений»² с целью пресечения (с их стороны) попыток скрытого и открытого противодействия политике советской власти.

Весной 1920 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) разослала на места, сотрудникам региональных органов ЧК, циркулярный приказ, содержавший распоряжение в двухнедельный срок собрать сведения о деятельности губернских комиссий «по охране памятников искусства и старины».

Чекистов, в частности, интересовало:

- входили и/или входят ли в состав комиссий «служители культов[,] профессора и преподаватели бывших духовных учебных заведений»;
- не поручали ли комиссии «охранение отдельных памятников старины тем или иным лицам, прикосновенным к церковной иерархии»;
- не предпринимали ли комиссии «попыток взять под свою охрану богослужебные здания или даже целые монастыри, представляющие сомнительный исторический или художественный интерес»;
- не наблюдалось ли со стороны комиссий в целом или их отдельных представителей стремления сохранить «в охраняемых богослужебных зданиях <...> религиозный культ»?

Документ фиксировал факт крайне настороженного отношения чекистов (в условиях Гражданской войны) к музейному сообществу в целом и к музейным управленческим структурам (госорганам управления музейным делом) в частности.

¹ Положения и инструкции Чрезвычайным Комиссиям по борьбе с контрреволюцией. Приняты[е] 3-й Всероссийской конференцией Чрезвычайных Комиссий 3-го июня 1919 г. М., 1919. С. 16 и др.

² Положение и инструкции Чрезвычайным Комиссиям по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, преступлениями по должности, шпионажем и саботажем: Принят[ые] IV Всероссийской конференцией Чрезвычайных Комиссий 3 февраля 1920 г. М., 1920. С. 18.

В своей совокупности запрошенная Центром информация должна была, по мнению Москвы, охарактеризовать место и роль музейных работников в «классовой борьбе», до пределов обострившейся в постреволюционной России.

Один экземпляр собранных сведений надлежало переслать в Секретный отдел ВЧК³, а второй — в VIII отдел Народного комиссариата юстиции РСФСР⁴.

Далее приведен текст анкеты (являвшейся составной частью упомянутого приказа ВЧК), заполненной сотрудниками Новгородской губЧК.

Публикация осуществляется в соответствии с современными нормами орфографии, однако с сохранением стилистики и языковых особенностей первоисточника (включая строчные и прописные буквы). В квадратных скобках даются конструкции публикатора.

В ы п и с к а⁵

Приказ Президиума В Ч К.

№ 54.

Москва[,] 29-го Апреля 1920 года.

Циркулярно.

Секретно.

В с е м Г У Б Ч Е К А.

§ 1.

В Ч К предлагает в двухнедельный срок собрать необходимые сведения по вопросу о составе и деятельности Губернской Комиссии по охране памятников искусства и старины. Один экземпляр этих сведений надлежит доставить в Секретный Отдел В Ч К (б. Лубянка, II), а второй в VIII Отдел Народного Комиссариата Юстиции (здание В Ц [И] К, Кремль).

³ О Секретном отделе ВЧК см.: Крапивин, 2018. С. 126–135.

⁴ В 1918–1921 гг. за практическую реализацию государственной конфессиональной политики отвечал VIII отдел Наркомата юстиции РСФСР. Первоначально он носил название «ликвидационный» (речь шла о необходимости ликвидировать церковно-иерархические административно-управленческие структуры, сросшиеся с монархическим государством); позднее — был переименован в отдел «по проведению в жизнь положений Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви». В перечень обязанностей сотрудников Отдела входило решение далее перечисленных задач: административное регулирование взаимоотношений органов советской власти с религиозными организациями на новой правовой основе; организация работы советских органов по проведению в жизнь положений базового Декрета: [закрытие домовых церквей; изъятие метрических книг; воспрепятствование ведению миссионерской и благотворительной деятельности; исключение практики обложения верующих со стороны конфессиональных объединений разнообразными сборами (особенно в принудительном порядке); запрет преподавания (в школьной форме) основ вероучения детям до 18 лет; недопущение лиц духовного звания к занятию конкретно-поименованных должностей в советских учреждениях и пр.]. Отдел оказывал содействие соответствующим ведомствам (в том числе ВЧК) в пресечении контрреволюционных проявлений в деятельности религиозных организаций.

⁵ Воспроизводимый текст представляет собой только часть приказа Президиума ВЧК № 54 от 29 апреля 1920 г. При этом полный текст документа (Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 1. Оп. 4. Д. 1290. Л. 75. Типографский оттиск) имеет незначительные отличия от публикуемого варианта.

Вопрос 1. С какого времени существует в губернии Комиссия по охране памятников искусства и старины?

Ответ. В Июле месяце 1918 года была образована Художественно-археологическая секция; в Январе 1919 года преобразована в Подотдел по делам Музеев и Охраны памятников искусства и старины[;] в Марте месяце 1920 года преобразована в Секцию по делам [М]узеев и [О]храны памятников искусства и старины при П[од]отделе искусств Новгородск[о]го Губернск[о]го Отдела Народного Образования⁶. Никакой другой Комиссии по делам музеев и охране памятников искусства и старины в губернии не существует⁷.

⁶ В течение весны 1918 г. (в марте 1918 г.?) распоряжениями Новгородского губисполкома был сформирован первый состав коллегии губернского Отдела народного образования (далее — губОНО). В начале лета 1918 г. (по разным данным — 19 или 26 июня) при губОНО (в структуре внешкольного подотдела губОНО) была создана художественно-археологическая секция (ею кратковременно заведовал художник **Николай Всеволодович Лишев**), которая затем (в январе-феврале 1919 г.) была преобразована в губернский подотдел по делам музеев [и охране (как вариант — охраны) памятников искусства и старины], а с февраля 1920 г. — в губернскую музейную секцию [губернскую секцию по делам музеев и охраны (как вариант — охране) памятников искусства и старины] подотдела искусств. В феврале 1919 г. на должность заведующего был приглашен **Михаил Валерьянович (Валерианович) Муравьев**, в дореволюционные годы руководивший Новгородским обществом любителей древности (далее — НОЛД), а после революции устроившийся на службу в губОНО (см. сноску 7). После перевода **Муравьева** на работу в архив с 24 июня 1919 г. губернские музейные органы возглавил **Н. Г. Порфиридов**, бесценно оставившийся на этом посту вплоть до ликвидации губернии в 1927 г. (см. сноску 8). Кроме руководящей должности заведующего в 1919 г. были учреждены две штатные единицы «агентов-специалистов», на которые были назначены **С. К. Матвеевский** и **В. А. Квашонкин** (см. сноски 9, 10). Вне штата числился член НОЛД, фотограф **Анатолий Николаевич Павлович**, оказывавший большую помощь в работе по учету и фиксации памятников истории и культуры. Основным назначением перечисленных сотрудников была экспертиза гражданских и церковных предметов, выявленных в ходе плановых обследований церквей, монастырей, усадеб в границах города и на территории уездов. Те предметы, которые имели историческое или художественное значение, подлежали передаче в музеи. Процесс реорганизации региональных музейных управленческих структур завершился в апреле 1921 г. созданием Губернского комитета по делам музеев и охраны [как вариант — охране] памятников искусства, старины, народного быта и природы (далее — Губмузей) [при] Новгородском губОНО. Губмузей просуществовал до 1927 г. В середине лета 1927 г. он будет упразднен. Формально это будет связано с ликвидацией (постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1927 г.) Новгородской губернии и последующим вхождением ее (на правах округа) в состав Ленинградской области, образованной на базе прежних пяти губерний. В 1928–1929 гг. новгородская музейная сеть будет подчинена единственному руководящему органу — Правлению новгородских музеев, в функциональном отношении заменившему собой Губмузей (Коваленко, 2020. С. 463; Коваленко, Маркина, 1994. С. 139–141; Маркина, 2000. С. 1–83; Маркина, 2004. С. 136–143; Маркина, 2006. С. 56, 58, 62; Порфиридов Ник. *Губмузей. Великий Красный Новгород: политический историко-литературный сборник к пятилетней годовщине Великой Октябрьской революции: 1917–1922 г.* Новгород, 1922. С. 49–50; Порфиридов Н. Г. *Новгород, 1917–1941: воспоминания.* [Предисл. Ю. Г. Боброва]. Л., 1987. С. 37–39, 43, 51, 247; Секретарь, 2006. С. 110; Ярош, 1999. С. 189–191, 193; Ярош, 2000. С. 99–101).

⁷ Все сотрудники Губмузея являлись членами НОЛД и в послереволюционный период активно участвовали в его работе (Коваленко, Маркина, 1994. С. 140; Порфиридов Ник. *Губмузей.* С. 50; Секретарь, 2006. С. 110).

НОЛД было организовано в 1894 г. усилиями местных краеведов. Вскоре общество прекратило свое существование, однако 7 апреля 1908 г. возобновило свою деятельность в обновленном виде. В состав НОЛД вошли представители Московского и Петербургского археологических обществ, Новгородского статистического комитета и Новгородской губернской ученой архивной комиссии, учителя, представители земства, дворянства и купечества. НОЛД занималось теми вопросами, которые ему были доступны: изучало дворянские усадьбы, архивы, археологические и бытовые памятники. На 1 июня 1909 г. общее количество членов НОЛД составляло 115 человек. Председателем был утвержден **М. В. Муравьев**. К 1917 г. НОЛД объединяло уже более 300 человек (энтузиастов и специалистов), представителей разных сословий. После Октября 1917 г. члены Общества, руководствуясь целью сохранения культурного наследия страны, заняли позицию сотрудничества с новой властью. НОЛД добровольно передало

Вопрос 2. Ее состав (по классовому признаку).

Ответ. Заведующий Секцией — Порфиридов⁸ — [ар]хеолог, сын священника, и два агента[-]специалиста: Матвеевский⁹ — художник[,] сын ху-

собранную им вещевую коллекцию в государственные музеи. Общество работало в тесном контакте с музейными коллективами, а сотрудники музеев одновременно являлись членами НОЛД. Общество не только завоевало прочный авторитет среди местной интеллигенции, но и имело связи со многими научными учреждениями страны. НОЛД руководило правление из семи человек. До 1923/24 г. НОЛД возглавлял (председатель правления) **М. В. Муравьев**, которого сменил **Евгений Васильевич Скородумов**, [бывший?] секретарь духовной консистории; с 1928 г. эту должность занимал **С. М. Смирнов** (см. сноску 11). НОЛД прекратило свое существование в конце 1920-х — начале 1930-х годов (на тот момент в его рядах было около ста человек). Согласно позднейшему (1934) свидетельству современников описываемых событий, в 1929 г. НОЛД переименовало себя «в краеведческую ячейку» (Коваленко, Маркина, 1994. С. 133–134, 136, 139–141, 144; Секретарь, 2006. С. 110–111; Ярош, 1999. С. 186).

⁸ **Порфиридов Николай Григорьевич** (1893–1980). Родился в селе Большое Замошье Подберезской волости Новгородского уезда Новгородской губернии в семье священнослужителя («сын попа»). В 1913 г. окончил Новгородскую духовную семинарию. В 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны прошел курс военной подготовки в Николаевском кавалерийском училище. В 1915–1917 гг. обучался в Санкт-Петербургской духовной академии, защитил выпускную работу на тему «Стенные фресковые росписи новгородских церквей». Параллельно (с 1916 г.?) состоял студентом Петроградского археологического института. По его окончании вернулся в Новгород (март 1918 г.), где ему была предложена работа в Новгородском губОНО (с 4 апреля 1918 г.). Он сознательно пошел служить в органы советской власти, веря, что музейное дело и охрана памятников культуры получают новый импульс, будут развиваться более плодотворно, нежели в дореволюционное время. Сначала (с апреля 1918 г.) исполнял обязанности хранителя (по другим сведениям — заведующего) Новгородского музея древностей (см. сноску 11). В апреле 1918 г. был назначен заведующим художественно-археологической секцией в структуре внешнего отдела губОНО и возглавлял ее до весны 1921 г. (во всех ее дальнейших трансформациях и преобразованиях) (см. сноску 6). Усилиями **Порфиридова** в Новгороде была проведена реорганизация старых музеев и создана сеть новых. С 1919 по 1920 г. он одновременно работал в Петроградском областном археологическом отделе Главнауки Наркомпроса РСФСР. В 1920 г. его избрали научным сотрудником Государственной академии истории материальной культуры, что позволяло тесно сотрудничать с петроградскими учеными. С апреля 1921 г. — заведующий Губмузеем [при] губОНО. Параллельно возглавлял Совет/Правление новгородских музеев, сформированное в сентябре 1923 г. Состоял членом НОЛД (входил в состав правления Общества).

После ликвидации в 1927 г. Новгородской губернии и, соответственно, Губмузея **Порфиридов** был утвержден заведующим Новгородским историко-художественным музеем (см. сноску 12).

В конце 1925 — середине 1927 г. в Новгороде существовали два музейных учреждения: Новгородский [государственный] историко-археологический музей [вариант названия: Новгородский [государственный] исторический музей] и Новгородский музей древностей с картинной галереей [варианты названия: Музей древнего и нового искусства с картинной галереей и отделением ценностей в Софийском соборе; Новгородский историко-художественный музей]. Во второй половине 1928 г. было принято решение объединить оба музея в Историко-художественный музей [варианты названия: Исторический музей; Историко-бытовой и художественный музей; Новгородский государственный историко-археологический и историко-художественный музей с отделением Софийский собор]. Объединенный музей имел в своем составе: отдел (музей) древнего искусства; отдел (музей) нового искусства — картинную галерею и Софийский собор (на правах отделения). В 1930–1932 гг. в Новгороде была осуществлена очередная музейная реорганизация: создан Новгородский государственный музей, вобравший в себя все городские музеи на правах отделов: исторического, историко-революционного, соцстроительства, антирелигиозного, художественного. В 1928–1932 гг. **Порфиридов** возглавлял Новгородский государственный музей. С 1931 г. его назначают (параллельно занимает должность заведующего музеем) председателем правления новгородских музеев, сформированного в 1928–1929 г. (см. сноску 6) (Ковалев, 2020. С. 462–463 со ссылкой на: Архив Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — АУФСБ России по СПб и ЛО). Д. П-66878. Т. 5. Л. 4, 6 об.; Коваленко, Маркина, 1994. С. 136–137; Маркина, 2001. С. 107; Маркина, 2006. С. 58, 62–63; Порфиридов Н. Г. *Новгород, 1917–1941: воспоминания*. С. 4–8, 247; Секретарь, 2006. С. 110–111; Ярош, 1999. С. 189–191, 196, 199–200, 203, 212; Ярош, 2000. С. 99–105, 109, 121).

⁹ **Матвеевский Сергей Константинович** (1870 — после 1924 г.). Родился в Санкт-Петербурге в семье неклассного (свободного) художника. Его отец служил инспектором в Санкт-Петербургской Импе-

дожника[,] и Квашенкин¹⁰ — антиквар[,] происходит из торгового сословия¹¹.

раторской академии художеств, и семья жила в академической квартире. В 1878–1891 гг. **Матвеевский** учился в Санкт-Петербургской VIII гимназии. В 1890–1891 гг. входил в ближний круг поэта Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936). В 1891 г. поступил в Академию художеств по классу живописи. 21 декабря 1895 г. был выпущен с тем же званием некласного художника, которое было и у его родителя. Член-учредитель НОЛД. Штатный сотрудник («агент-специалист») музейного подразделения при Новгородском губОНО в первые годы советской власти. Творческой работой в то время С. К. Матвеевский уже не занимался, но его знания и опыт художника были весьма ценны при экспертизах, в частности усадебного инвентаря. Во время экспедиций по губернии, особенно когда не было фотографа, была востребована способность художника профессионально зарисовывать (карандашом и акварелью) архитектурные элементы, интерьеры или отдельные предметы. В 1924 г. **Матвеевский**, страдавший стенокардией, оставил службу, уехав вместе с женой, сестрой и дочерью в деревню Пельгору, где через несколько лет и умер (Порфиридов Н. Г. *Новгород, 1917–1941: воспоминания*. С. 51–54 и др.).

¹⁰ **Квашонкин (Квашенкин) Василий Алексеевич** (1885–1941?). Родился в г. Новгороде. Выходец из торгового сословия (купеческой среды): отец содержал постоянный двор (трактир). Получил начальное образование. Пробовал учиться в гимназии, однако полного курса не окончил, ушел после 6-го класса. Увлёкся собирательством предметов старины. Избрал специальность антиквара. Поставщик известных московских и петербургских коллекционеров. Сотрудничал и с крупнейшими столичными музеями; фамилию Квашонкина можно было встретить в книгах поступлений Эрмитажа, Русского музея (причем всегда с указанием точного места находок). Он не обладал какими-либо научными знаниями по археологии или истории искусства, но многолетняя практика и общение с большими специалистами-профессионалами научили его хорошо разбираться в раскопчных древностях, в нумизматике и сфрагистике, мелкой пластике, в фарфоре и хрустале, в произведениях ювелирного дела и иконописи, в старинной мебели. 12 марта 1909 г. «любитель-нумизмат» Квашонкин был принят в «члены-сотрудники» НОЛД (приглашен в качестве эксперта), однако участия в работе Общества не принимал и после 3 мая 1909 г. заседаний не посещал. В первые годы советской власти стал штатным сотрудником музейного подразделения при Новгородском губОНО («агент-специалист» губернского подотдела по делам музеев, а затем, с апреля 1921 г., Губмузея). Как позднее вспоминал **Порфиридов, Квашонкин** был незаменимым работником, прекрасно справлявшимся со своими обязанностями эксперта, организатора учета и охраны памятников: в церквях и усадьбах он не пропускал ни одного предмета, имевшего ту или иную музейную ценность. Некоторое время (по сведениям за 1923 г.?) заведовал Новгородским древлехранилищем, сразу же после его переименования в Музей древнего/древнерусского искусства. Позднее входил в состав Совета / Объединенного правления новгородских музеев, созданного в сентябре 1923 г., в качестве «агента-специалиста» Губмузея и заведующего Музеем быта (создан в 1918 г. в Юрьевском монастыре; в 1922 г. получил статус отдела (филиала) Новгородского губернского Исторического музея; закрыт в 1924 г.). По состоянию на октябрь 1928 г. числился хранителем отделения ценностей Историко-художественного музея. В 1931 г. заведовал отделением ценностей Историко-художественного музея. В 1934 г. был арестован и приговорен к лишению свободы. Освобожден до начала Великой Отечественной войны. После 1945 г. **Квашонкина** не оказалось в числе возвратившихся на родину жителей. Рассказывали, что, задержавшись в Новгороде до самого оставления его нашими войсками и уходя из него в последний момент, он был захвачен оккупантами недалеко от города в одной из деревень и там убит (Коваленко, Маркина, 1994. С. 136–137, 140; Любчикова, 2000. С. 271–277; Маркина, 2006. С. 58; Порфиридов Ник. *Губмузей*. С. 49; Порфиридов Н. Г. *Новгород, 1917–1941: воспоминания*. С. 51, 54–57, 247; Секретарь, 2006. С. 110, 113, 117; Ярош, 1999. С. 197, 199, 208; Ярош, 2000. С. 102).

¹¹ В состав коллектива Губмузея, кроме перечисленных сотрудников, вошел и **Сергей Михайлович Смирнов** (1892–1992). Сын дьякона. Новгородский историк, археолог. С 1918/1919 г. по 1933 г. он заведовал Новгородским Историко-археологическим музеем (бывшим Музеем древностей).

Новгородский Музей древностей был создан 4 мая 1865 г. Он существовал (попеременно) под эгидой то Новгородского губернского статистического комитета, то Новгородского губернского земства. В апреле 1918 г. музей перешел в ведение Новгородского губОНО и продолжил свое существование (с 1919 г.) в качестве Историко-археологического музея. В документах за 1923–1928 гг. он именуется Новгородским [государственным] историко-археологическим либо Новгородским [государственным] историческим музеем.

Вопрос 3. Не входят ли и не входил[и] [л]и в ее состав служители культов[,] профессора и преподаватели бывших духовных учебных заведений?

Ответ. В состав самой секции не входят и не входили.

Вопрос 4. Если да, то кто именно, чем проявили себя данные лица при царском строе и при Керенском? Дайте исчерпывающую характеристику в смысле степени их приверженности к прежнему строю или религиозной идеологии.

Ответ. Н е т.

Вопрос 5. Не поручал[а] [л]и Комиссия охранение отдельных памятников старины тем или иным лицам, прикосновенным к церковной иерархии? Если да, каких именно памятников и кому?

Ответ. Хранителем Новгородск[о]го музея церковных древностей¹² состоит священник Никифоровский (главный организат[ор] и собиратель этого музея); ем[у] [ж]е [п]оручено хранение Новгородск[о]го Софийск[о]го Собора¹³.

С 1921 по 1927 г. **Смирнов** состоял в штате Губмузея. Входил в состав Совета / Объединенного правления новгородских музеев, созданного в сентябре 1923 г. Был членом НОЛД, с 1928 г. — председателем [правления] НОЛД. На момент ареста в 1933 г. возглавлял исторический отдел Новгородского государственного музея. После досрочного освобождения из концлагеря работал учителем в средних школах Новгорода и Любытино (Коваленко, Маркина, 1994. С. 140, 144; Маркина, 2006. С. 55–56, 59; Порфиридов Н. Г. *Новгород, 1917–1941: воспоминания*. С. 62; Секретарь, 2006. С. 110; Ярош, 1999. С. 192, 199–200, 208; Ярош, 2000. С. 101–102, 108–109, 121).

¹² В октябре — декабре 1912 г. группой членов НОЛД было организовано Новгородское церковно-археологическое общество. Активисты вновь созданной структуры объединялись вокруг Новгородского епархиального древлехранилища, открытого 3 января 1913 г. в западной части Епархиального дома (Порфиридов Н. Г. *Новгород, 1917–1941: воспоминания*. С. 247). Основой его музейной экспозиции служили церковные древности, собранные по епархии для выставки, приуроченной к XV Всероссийскому археологическому съезду, состоявшемуся в Новгороде в 1911 г. Затем много старых, вышедших из практического употребления предметов стали присылать в музей городские и сельские священники. Древлехранилище снискало себе широкую известность в научных кругах тем, что в нем была развернута активная работа «по реставрационному раскрытию произведений древнерусской живописи» (Там же. С. 31–32). В 1919 г. прошла реорганизация дореволюционных музеев: Епархиальное древлехранилище продолжило свое существование в качестве Новгородского древлехранилища (хранитель — **А. В. Никифоровский**) (см. сноску 13). Сюда передали экспонаты из «церковного отдела» бывшего Новгородского музея древностей. В 1922 г. в Древлехранилище был открыт отдел/отделение ценностей (Галерея серебра), состоявший из двух частей: старой ризницы Софийского собора и собрания предметов, поступивших из разных церквей и монастырей. В 1923 г. Древлехранилище было переименовано в Музей древнего искусства с отделением ценностей в Софийском соборе [вариант названия: Музей древнерусского искусства с отделением ценностей в Софийском соборе]. В декабре 1925 г. Музей древнего/древнерусского искусства (с отделением ценностей) и вновь созданная картинная галерея были объединены в Музей древнего и нового искусства (Маркина, 2006. С. 56, 58–59, 63; Порфиридов Н. Г. *Новгород, 1917–1941: воспоминания*. С. 62, 223–224; Ярош, 1999. С. 190, 192, 194, 200, 208, 212; Ярош, 2000. С. 101–103, 108, 121).

¹³ **Никифоровский Анатолий Васильевич** (1875–1937). Уроженец Новгорода. Клирик кафедрального Софийского собора (1920–1929); ключарь с 1923 г., протоиерей с 1925 г. В 1930-х годах служил в Михайловской церкви (Церкви Михаила Архангела), после закрытия Софийского и Входо-иерусалимского соборов получившей статус кафедрального собора. Член Новгородского церковно-археологического общества. В январе 1913 г. был назначен хранителем, заведующим библиотекой и архивом Новгородского епархиального древлехранилища (позднее — Новгородского древлехранилища; Музея древнего/древнерусского искусства). Продолжал исполнять хранительские обязанности и в 1920-е годы. Входил в состав Совета / Объединенного правления новгородских музеев, созданного в сентябре 1923 г. Как служитель религиозного культа, 13 августа 1930 г. постановлением Новгородсовета был лишен избирательных прав. Подвергнут аресту 4 июня 1937 г. 20 сентября 1937 г.

Вопрос 6. В чем выразилась вообще деятельность Комиссии в смысле охранения ею религиозных ценностей? Что именно взято ею на учет?

Ответ. После общ[е]го приема религиозных [цен]ностей церковно-ликвидационным Подотделом¹⁴ те из них, которые имеют н[е]сомненное историческое или художественное значение, принимаются на учет и под охрану секцией. Кроме того, на учет и под охрану принимаются и м[ону]ментальные памятники. (Перечисление затруднительно ввиду многочисленности предметов.)

Вопрос 7. Не наблюдалось ли со стороны Комиссии попыток взять под свою охрану богослужебные здания или даже целые монастыри, представляющие сомнительный исторический или художественный интерес, относительно коих у местных исполкомов возникали предположения об использовании их в общепользовательных целях?

Ответ. Не т.

Вопрос 8. Не наблюдалось ли [намерения¹⁵] со стороны Комиссии в цело[м] или ее отдельных представителей в охраняемых богослужебных зданиях сохранить и религиозный культ?

Ответ. Наблюдались противоположные случаи, когда секция возбуждала ходатайства о прекращении богослужения в храмах в целях наилучшего сохранения их как памятников старины.

Вопрос 9. Не возникал[о] [л]и трений между исполкомами и [К]омиссиями по охране памятников искусства и старины, на какой почве, чем оканчивались?

Ответ. Не т.

Вопрос 10. Общая характеристика деятельности [К]омиссии и ее роль в классовой борьбе.

Ответ. В отношении общественно-политическом личный состав секции и ближайши[х] ее сотрудников оставляет желать лучш[е]го; деятельность же секции в целом, безусловно лишена всякой нежелательной для Советской Власти предвзятости, построена на строго научных основаниях[,] что в известной степени затрудняет определение ее роли в классовой борьбе, оставляя за не[й] значение¹⁶ одного из звеньев общей научной работы, ведущей[,] в конечном счете[,] к духовному раскрепощению и росту народных масс.

приговорен Особой тройкой [при] УНКВД ЛО к высшей мере наказания. Расстрелян в Новгороде 27 сентября 1937 г. (Маркина, 2006. С. 56; Моисеев, 1998. С. 50–55; Ярош, 1999. С. 199).

¹⁴ Работой на местах по осуществлению административного надзора за деятельностью религиозных организаций и обеспечению контроля за точностью исполнения советского законодательства о культах в первые годы советской власти (по крайней мере до 1920/1921 г.) занимались губернские отделы юстиции (в лице «церковно-ликвидационных» подотделов / подотделов по проведению в жизнь положений Декрета об отделении церкви от государства). В ноябре 1918 г. при отделе юстиции Новгородского исполкома был создан церковно-ликвидационный подотдел во главе с присланным из Москвы Н. Н. Левендалем (Секретарь, 2006. С. 110).

¹⁵ Восстановлено по типографскому варианту текста приказа (ЦА ФСБ России. Ф.1. Оп. 4. Д. 1290. Л. 75).

¹⁶ Так в тексте документа.

Вопрос 11. Не издан[о] [л]и Комиссией каких[-]либо печатных трудов (брошюр, листовок, обращений к населению и т.п.)? Если да[,] представьте в двух экземплярах.

Ответ. Есть издания. (При этом прилагаются в двух экземплярах¹⁷.)

Председатель Новгородской
Губернской Чрезвычайной Комиссии [подпись Н. Д. Алексеева¹⁸]

Завед[ующий] Секр[етно-]Операт[ивным] Отд[елом]
Новгубчека [подпись И. А. Абрамова¹⁹]

– 21 – Сентября 1920 года. С е к р е т а р ь [неразборчивая подпись]

Настоящий приказ в копии, с собранными по нему сведениями[,] Новгубчека представляет во VIII-й Отдел Народного Комиссариата Юстиции с указанными в нем (§ II-й) приложениями²⁰ и при этом сообщает, что несвоевременное выполнение этого приказа произошло по вине бывш[е]го Председателя Новгубчека тов. Медведева²¹.

Председатель Новгубчека [подпись²²]

Завед[ующий] Секр[етно-]Операт[ивным] Отделом [подпись²³]

С е к р е т а р ь [неразборчивая подпись]

№ 2739.

– 21 – Сентября 1920 г.
гор. Новгород.

¹⁷ В архивном деле приложения отсутствуют.

¹⁸ **Алексеев Николай Дмитриевич** (1892–?). Член РСДРП с марта 1917 г. Член Новгородского губкома РСДРП(б) — РКП(б) (1917–1918); член бюро Новгородского губкома РКП(б) (1918–1919). Член президиума и секретарь исполкома Новгородского губернского совета (по состоянию на ноябрь 1918 г.). Заведующий Новгородским губернским отделом управления (сентябрь 1918 г. — февраль 1919 г.). Сотрудник Новгородской губернской чрезвычайной комиссии — секретарь губЧК (январь 1919 г.); уполномоченный Особого отдела (1919); заведующий Следственным отделом губЧК (1919); врио председателя Новгородской губЧК (28 ноября 1919 г. — 16 января 1920 г.); председатель Новгородской губЧК (май — ноябрь 1920 г.) (Петров, 1995. С. 154; Скоркин, 2010. С. 458 и др.).

¹⁹ **Абрамов И. А.** В 1920 г. — заместитель председателя Новгородской губЧК, заведующий Секретно-оперативным отделом губЧК (Петров, 1987. С. 94).

²⁰ В архивном деле приложения отсутствуют.

²¹ **Медведев Александр Николаевич** (1892–1944?). Родился в г. Бежице Брянской губернии в семье рабочего-сталевара. В революционном движении с 1910 г. Член РСДРП с 1912 г. Председатель Совета рабочих депутатов г. Бежица (август 1917 г. — февраль 1918 г.). Участвовал в организации местной Красной гвардии. С лета 1918 г. служил в органах ЧК: председатель Брянской уездной ЧК (Орловская губерния) (июнь — август 1918 г.); член Брянской уездной ЧК (21 сентября — 18 ноября 1918 г.); член коллегии Брянской уездной ЧК (18 ноября 1918 г. — сентябрь 1919 г.); член коллегии Брянской губернской ЧК, заведующий Особым отделом (сентябрь 1919 — 28 сентября 1919 г.); председатель Брянской губЧК (октябрь — декабрь 1919 г.); председатель Новгородской губЧК (16 января — 30 апреля 1920 г.); начальник политбюро Мозырского уезда Минской губернии (май — июнь 1920 г.). Болеет тифом, лечился в госпитале (июнь — август 1920 г.). Член президиума и заведующий отделом управления Брянского губисполкома (август 1920 — май 1921 г.) (Скоркин, 2011. С. 633–635).

²² См. сноску 18.

²³ См. сноску 19.

ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 417. Л. 48–48 об.

Машинописный подлинник (2-й экз. под копирку) с рукописной правкой. Подписи — автографы. Часть даты (день месяца / два раза) и делопроизводственный номер вписаны от руки. В левом верхнем углу Л. 48 — рукописная помета (красными чернилами), свидетельствующая, что документ имел отношение к делопроизводству VIII отдела Наркомюста РСФСР.

* * *

Крайне негативная политическая оценка деятельности музейных сотрудников (разного уровня) озвучивалась органами ВЧК — ГПУ — ОГПУ в 1920–1930-е годы неоднократно.

Как известно, в условиях массового голода осенью 1921 г. — весной 1922 г. советское правительство инициировало проведение масштабной конфискационной кампании. Свозившиеся в Москву со всех концов страны драгоценности предназначались для последующей реализации на внешнем рынке. Изъятия производились из действовавших богослужебных зданий и молитвенных помещений различных конфессий, а также из некоторых музеев.

Вместе с тем предметы, имевшие важное историческое значение и несомненную художественную ценность, конфискации не подлежали и переходили в ведение Главного комитета по делам музеев и охране памятников искусства старины и природы Народного комиссариата по просвещению РСФСР. Поэтому в процедуре изъятия ценностей в обязательном порядке принимали участие сотрудники Главмузея и его губернских отделений.

Отношения между музейным сообществом и государственными структурами, отвечавшими за процесс экспроприации (в центре и в регионах), складывались весьма непросто. Музейные работники трактовали действовавшие в то время нормативные документы как их право принципиальным порядком влиять на ход и масштабы конфискационного процесса (вплоть до права вето).

В свою очередь, чекисты и партийно-советские функционеры были убеждены, что среди музейщиков имеется немало лиц, тесно связанных с духовенством и в силу этого обстоятельства саботирующих процесс передачи церковного золота в фонд помощи голодающим, стремящихся помешать изъятию из храмов предметов религиозного культа (хотя и изготовленных из драгметаллов, однако малозначимых в историко-художественном отношении) под тем предлогом, что они якобы представляют собой образцы высокого искусства музейного уровня²⁴.

* * *

В Архиве Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранится уголовное дело, в январе 1933 г. заведенное сотрудниками Секретно-политического отдела Полномочного представительства Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе (СПО ПП ОГПУ в ЛВО)²⁵ в отношении членов «Контрреволюционной организа-

²⁴ Крапивин, 2023. С. 20–23.

²⁵ АУФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-66878 «Контрреволюционная организация “Российское студенческое христианское движение” — филиал белоэмигрантской организации “РСХД”» (Ленинград, январь 1933 г.): в 8 т.

²⁶ Христианские (библейские) студенческие кружки стали возникать в различных (как правило, университетских) городах России на рубеже XIX и XX вв. после того, как в 1899 г. генеральный секретарь Всемирного христианского студенческого союза (Всемирной христианской студенческой федерации) Джон Мотт посетил Финляндию (в то время входившую в состав Российской империи) с целью организации здесь отделения ВХСС (ВХСФ). Основателем, идейным вдохновителем и многолетним руководителем российского сегмента (ветви) всемирного движения стал Павел Николаевич Николаи (1860–1919). Первоначально кружки объединяли преимущественно молодежь протестантского вероисповедания, однако с 1902 г. в них появились и выходцы из православных семей. Студенческое христианское движение в России было полулегальным практически все время своего существования, в первую очередь из-за интерконфессиональности, которую оно пропагандировало, что шло вразрез с позицией официальной православной церкви. Издание Указа об укреплении начал веротерпимости (от 17 апреля 1905 г.) сделало возможным «низовое» межконфессиональное сотрудничество. К 1908–1909 гг. кружки уже существовали в Петербурге, Москве, Киеве, Казани, Воронеже, Одессе, Юрьеве, Тарту, Риге (затем они появились в Харькове, Томске, Самаре, Ростове-на-Дону и других местах). Однако кружки не имели организационного оформления (общей структуры) в масштабах страны, единых программных и уставных документов. Позднее они решили объединить свои усилия и начиная с осени 1912 г. в идеологическом и организационном отношении «рассматривали себя» в качестве консолидированной организации — «Российского христианского студенческого движения» (в названии возможна была перестановка слов «студенческое» и «христианское»). Другое часто использовавшееся самоназвание — «Российский [Всероссийский] христианский студенческий союз» (также возможна была перестановка слов «студенческий» и «христианский»). Членами движения могли быть верующие молодые люди, обучавшиеся в высших учебных заведениях, и преподаватели вузов. При этом пол, национальность, конфессиональная принадлежность и политические убеждения роли не играли (*Цель студенческих христианских кружков в России*. Пг., 1916. С. 2 и др.). Движение носило преимущественно религиозно-просветительский характер, ставило своей целью воспитание молодежи в духе христианской морали и разработку у нее целостного христианского мировоззрения (в первую очередь посредством серьезного изучения Священного Писания). В 1913 г. движение, объединявшее к тому времени около 500 членов, было принято во Всемирную христианскую студенческую федерацию (ВХСФ). Провозглашение в России в феврале 1917 г. принципа свободы совести привело к недолгому расцвету студенческого христианского движения. В 1917 г. был одобрен (и позднее зарегистрирован) устав РХСС. Однако после прихода к власти большевиков в стране сложились условия, чрезвычайно затруднявшие деятельность движения. Задачи христианской молодежи все более расходились с господствующей большевистской идеологией. Встречи членов студенческих кружков (особенно в региональном или общероссийском формате) были сопряжены не только с известным политическим риском. Прибытие делегатов в конкретный населенный пункт становилось делом мало реальным, а может быть, практически невозможным в силу хозяйственной разрухи, распада страны на отдельные изолированные области. Тем не менее за годы Гражданской войны удалось провести несколько совещаний/съездов [представителей] христианских студенческих кружков, самые крупные из которых состоялись в Самаре (17–18 мая 1918 г.), в городе, который на некоторое время становится центром всего движения, и в Москве (10–16 октября 1920 г.). На тот момент в составе Союза насчитывалось около 300 действительных членов (а также членов-сотрудников) и примерно 1000 слушателей библейских кружков. После смерти П. Н. Николаи, последовавшей в октябре 1919 г., секретарем (председателем) ЦК РХСС стал Владимир Филимонович Марцинковский (1884–1971). В октябре 1920 г. его сменил Владимир Амбарцумович Амбарцумов (1892–1937), а В. Ф. Марцинковский был избран разъездным секретарем РХСС (ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 3. Д. 195. Л. 3, 99–100; Оп. 4. Д. 255. Л. 9–10 об., 25–26, 28–34 об., 35–37 об., 44–45, 69, 78–93; Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 161; Оп. 4. Д. 372. Л. 62–62 об. и др.). В последующий период многие члены РХСС неоднократно подвергались арестам (ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 742. Л. 1–8 об.; Марцинковский В. Ф. Записки верующего: из истории религиозного движения в Советской России [Прага, 1929]. СПб., 1995; Осипова И. И. (сост.). Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России. *Церковно-исторический вестник*. 1999. № 2–3. С. 50–51, 81, 167 и др.). В октябре 1922 г. РХСС было отказано в перерегистрации (точнее говоря, Союз был снят с регистрации). Весной 1923 г. часть руководства движения, включая В. Ф. Марцинковского, была выслана за границу. Многие рядовые члены эмигрировали сами. Отдельные активисты приняли православное священство; некоторые примкнули к молодежным организациям молокан, баптистов и др. В конечном счете христианское студенческое движение в России было фактически уничто-

грантской организации «РСХД»²⁷). До начала 1930-х годов христианские студенческие кружки в СССР продолжали функционировать автономно, не имея уже общей организационной структуры и находясь в подполье (Киев, Москва, Свердловск и др.). Постаревшие и давно вышедшие из студенческого возраста члены кружков неоднократно подвергались репрессиям со стороны карательных органов: в традициях того времени нелегальная религиозная деятельность трактовалась как контрреволюционная.

Проходившие по делу № П-66878 (ст. 58–10, 11 УК) 102 человека обвинялись в том, что они вели работу по «объединению на основе экуменического движения всех верующих христиан, антисоветски настроенных элементов, вне зависимости от их вероисповедания <...> для активного противодействия мероприятиям советской власти и Коммунистической партии». «Раскол в христианской вере выгоден Советской власти и таковой она поддерживает», — утверждали лидеры религиозного подполья²⁸. Напротив, «объединение всех церковных течений» необходимо в целях «организации массовой базы» для «свержения Советской власти и замены советского строя конституционно-монархическим»²⁹ в силу того, что только власть помазанника Божия может обеспечить свободное развитие религии и Церкви в СССР³⁰.

Важнейшим аргументом следствия были документальные свидетельства (весьма немногочисленные, впрочем), подтверждавшие факт установления в 1930 г. руководством ленинградской «Организации» связи (при посредничестве финляндского консульства³¹) с Парижским центром Русского христианского студенческого движения через секретаря (уполномоченного) РХСД в Прибалтийских странах Л. А. Зандера³². Именно от него ленинградцы якобы получили письменное зада-

жено (Алексеева, 2007. С. 1–151; Алексеева, 2013. С. 1–205; Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ, 1921–1923 гг. Сост., вст. ст. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. М., 2005. С. 465; Гуревич, 2003. С. 1–158).

²⁷ Оказавшись в эмиграции, представители российской интеллектуальной элиты, имевшие в свое время отношение к христианским студенческим кружкам, стали возрождать прежние связи. В октябре 1923 г. в г. Пшеров (Чехословакия) прошел организационный (учредительный) съезд, на котором было положено начало движению, преемственному по отношению к аналогичной структуре, существовавшей в России. Провозглашая себя стоящим вне политики и допуская в свои ряды людей самых различных политических взглядов и убеждений (от сторонников монархии до последователей социализма), Русское студенческое христианское движение — РСХД (так оно теперь стало называться) — тем не менее отказалось от традиционного для него принципа межконфессиональности/интерконфессиональности и заявило о своей конфессионально-православной переориентации (притом что официально оно не подчинялось никакой церковной власти и не подпадало ни под какую юрисдикцию). Количество участников движения было невелико (600 действительных членов и около 1200 человек составляли «периферию»).

²⁸ Коваленко, Маркина, 1994. С. 137–138, 140.

²⁹ Там же. С. 143–144.

³⁰ АУФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-66878. Т. 7. Л. 58; см. также: Л. 3–6.

³¹ Там же. Л. 3–4, 30–31.

³² **Зандер Лев Александрович** (1893–1964) — русский религиозный философ. Выпускник Императорского Александровского лицея (1913). Одновременно окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1913). В 1913–1914 гг. обучался на философском факультете Гейдельбергского университета в качестве стипендиата. С 1914 по 1917 г. служил чиновником Министерства народного просвещения. С момента возникновения Российского христианского студенческого движения стал одним из его активных участников. В 1920 г. (по другим сведениям — в 1922 г.) покинул Россию. Преподавал логику, философию и другие дисциплины в Богословском институте в Париже (открытом в 1925 г.). Был секретарем (уполномоченным) Русского студенческого христи-

ние — озаботиться популяризацией в среде российских верующих «теории межисповедного объединения» и идеи создания единого религиозного фронта «для защиты интересов христианства и борьбы с носителями атеизма, в первую очередь совластью»³³. «Все вместе Вы будете сильны, и никакое безбожие не поборет Вас»³⁴.

Благодаря богатой фантазии следователей ОГПУ немногочисленные реальные факты, касавшиеся работы РХСД в России (и эпизодических контактов членов российских кружков с заграничными центрами движения), нередко обрастали совершенно фантастическими деталями. Наглядным тому примером может служить уголовное дело № П-66878.

Из следственных материалов явствует, что Ленинградский центр РСХД (в лице «Экуменического совета») направлял и координировал деятельность около десятка своих структурных подразделений, объединявших верующих преимущественно по конфессиональному признаку [кружки старообрядческий, единоверческий, сергиевский (9 человек), обновленческий, иосифлянский (12 человек) и др.; кроме того, «Поспеловскую ячейку» (тайные монахини); «Кружок матерей»; Редакционно-издательскую группу; Секцию христианского воспитания; Секцию изучения памятников христианской культуры (музейная и научная работа) и пр.]. В свою очередь, большинство кружков (кроме единоверцев и некоторых других) в целях конспирации подразделялись на «пятерки» (всего 15), подчинявшиеся руководящей «пятерке», в которую входили активисты различных религиозных (христианских) направлений³⁵. Заявлялось, что РСХД — «объединение не церковное, но религиозное, хотя в нем могут состоять люди маловерующие и даже неверующие»³⁶.

Материально-финансовая база «Организации» формировалась за счет членских взносов и денежных средств ряда легальных религиозных общин³⁷. Многие активисты входили в состав церковных двадцаток православных храмов, принадлежавших к тихоновско-сергиевской церкви, но при этом не занимали в них руководящих должностей, чтобы не привлекать к себе дополнительного внимания со стороны органов ОГПУ³⁸.

Подпольщиками был освоен процесс изготовления и выработана методика распространения пропагандистских брошюр и листовок; подобраны квартиры для нелегальных собраний.

В конце 1932 г., как утверждали чекисты, при Ленинградском центре РСХД была создана «Боевая дружина»³⁹. Она «защищала организацию от проникновения

анского движения в странах Прибалтики (1929–1933). Стал одним из теоретиков международного экуменического движения. Сформулировал фундаментальные условия межконфессионального сотрудничества и постулаты экуменизма: принцип конфессионализма (закрывающийся в безусловном и бескомпромиссном утверждении верований, которых придерживается каждая конкретная церковь) и требование необходимости воздерживаться от прозелитизма. Вместе с тем подобная интерпретация экуменизма воспринималась ближайшим окружением Л. А. Зандера весьма неоднозначно, т. к. она, по их мнению, противоречила православной направленности деятельности РСХД.

³³ АУФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-66878. Т. 7. Л. 16–18, 20.

³⁴ Там же. Л. 54.

³⁵ Там же. Л. 19–22, 37–38, 45 и др.

³⁶ Там же. Л. 3–4, 19, 40–41.

³⁷ Там же. Л. 25.

³⁸ Коваленко, Маркина, 1994. С. 138–139.

³⁹ АУФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-66878. Т. 7. Л. 3–4, 23–24.

в нее недостаточно проверенных лиц, могущих привести <...> к провалу»⁴⁰. Кроме того, боевики выполняли «поручения террористического порядка». Речь шла об устранении людей, представлявших угрозу движению, в первую очередь «наиболее опасных <...> носителей атеизма»⁴¹, а также отдельных лиц из православной иерархии, пошедших на сотрудничество с советской властью: «имея в виду задачи объединения церквей, мы не могли не реагировать также на раскольническую деятельность людей, продолжавших в то же время стоять во главе церковных ориентаций, как например, митрополитов А. Введенского⁴² и Сергия Нижегородского⁴³, — мы считали необходимым физическое уничтожение и этих лиц»⁴⁴.

Руководители «Организации» планировали расширение своей деятельности за пределы Ленинграда. Предполагалось создание региональных филиалов в Москве и Харькове (и далее в масштабах всего СССР⁴⁵). Однако первым местом организации периферийного отделения «был намечен город Новгород, где среди научных работников новгородских музеев была для этого питательная почва»⁴⁶. Всего по делу Новгородского филиала РСХД были привлечены к следствию 12 человек, музейщиков и ученых-краеведов (которые о существовании Студенческого христианского движения скорее всего не имели даже представления), в том числе

⁴⁰ Там же. Л. 23–24.

⁴¹ Там же. Л. 27, 29.

⁴² **Александр** (в миру **Введенский Александр Иванович**; 1889–1946). В 1912 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В августе 1914 г. был рукоположен во священника. В 1916 г. экстерном окончил Петроградскую духовную академию. Весной 1921 г. был возведен в сан протоиерея. С 1922 г. — один из идеологов и организаторов обновленческого раскола в Российской православной церкви. В мае 1923 г. был возведен в сан архиепископа, а в октябре 1924 г. — в сан митрополита и назначен апологетом-благовестником обновленческой Церкви. С 1927 г. — заместитель председателя Всероссийского обновленческого синода. С 1928 г. — заместитель председателя Священного синода православных церквей в СССР. С января 1932 г. — член президиума Священного синода православных церквей в СССР.

⁴³ **Сергий** (в миру **Иван Николаевич Страгородский**, 1867–1944), будущий патриарх Московский и всея Руси. Окончил Нижегородскую духовную семинарию (1886) и Санкт-Петербургскую духовную академию (1890). 30 января 1890 г. был пострижен в монашество. 21 апреля 1890 г. рукоположен во иеромонаха. 21 сентября 1894 г. возведен в сан архимандрита. 25 февраля 1901 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 6 октября 1905 г. — архиепископ Финляндский и Выборгский. 6 мая 1911 г. назначен членом Святейшего синода. С 10 августа 1917 г. — архиепископ Владимирский и Шуйский. 28 ноября 1917 г. в Москве возведен в сан митрополита. 7 декабря избран членом Священного синода. Принимал участие в работе Всероссийского поместного собора 1917–1918 гг. 16 июня 1922 г. митрополит Сергей публично признал обновленческое Временное церковное управление (ВЦУ) единственной канонической церковной властью. Вместе с тем он не был сторонником обновленческих реформ и поэтому 25 августа 1922 г. обратился в ВЦУ с письмом протеста против неканонических нововведений (женатого епископата, второбрачия духовенства и др.). 13 сентября разорвал отношения с обновленцами. 27 августа 1923 г. принес публичное покаяние и был принят патриархом Тихоном в лоно канонической церкви. С 18 марта 1924 г. — митрополит Нижегородский. В декабре 1925 г. назначен заместителем патриаршего местоблюстителя. Арестован в ноябре 1926 г., освобожден в марте 1927 г. и вновь вступил в управление церковью на прежних правах. Результатом ареста и давления на И. Н. Страгородского стало издание документа, известного как «Декларация митрополита Сергия», опубликованного 29 июля 1927 г. Текст Декларации породил протест в среде духовенства, многие представители епископата и клира прервали общение с митрополитом Сергием. Особое недовольство среди священнослужителей и мирян вызвали его запрет поминать на богослужениях ссыльных архиереев и требование поминовения советских властей.

⁴⁴ АУФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-66878. Т. 7. Л. 24.

⁴⁵ Там же. Л. 3–4.

⁴⁶ Ковалев, 2020. С. 458 со ссылкой на: АУФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-66878. Т. 1. Л. 2.

С. М. Смирнов, В. С. Пономарев⁴⁷ и многократно упомянутый в настоящей публикации **Н. Г. Порфиридов**.

Представители музейного сообщества Новгорода обвинялись в том, что за весь послереволюционный период они так и не сумели «дать трудящимся» правильную «марксистскую экспозицию»⁴⁸; в своей работе протаскивали религиозно-идеалистические мировоззренческие установки, всемерно противодействовали антирелигиозной работе Союза воинствующих безбожников и вели систематическую контрреволюционную агитацию против коллективизации. Кроме того, музейщики (многие из которых состояли членами НОЛД) прилагали якобы максимум усилий для того, чтобы не допустить разрушения бывших дворянских усадеб в надежде на последующую реставрацию помещичье-монархического строя⁴⁹.

По версии следствия, Новгородский епархиальный совет считал руководителей новгородских музеев (большинство из которых были выходцами из семей священно- и церковнослужителей) людьми, «близко стоящими к православному вероисповеданию и потому являющимися в известном смысле опорой местного духовенства в деле сохранения храмовых/монастырских зданий, обеспечения неприкосновенности церковных колоколов и священных реликвий (облачений, церковных книг и пр.), которые музейщики готовы были в случае необходимости взять под свою охрану под вымышленным предлогом, что они имеют несомненную историко-художественную ценность. В каждом отдельном случае, когда чувствовалось посягательство <...> со стороны Советской власти», православное духовенство обращалось в правление НОЛД с просьбой оказать поддержку и неизменно встречало со стороны руководства НОЛД полное понимание⁵⁰.

Таким образом, обвинения музейных работников строились на произвольной интерпретации целей и задач их повседневной профессиональной деятельности.

⁴⁷ **Пономарев Василий Сергеевич** (1907–1978). Внук юриста, археолога, коллекционера, одного из организаторов НОЛД — **Василия Степановича Передольского** (1833–1907), племянник **В. В. Передольского**. Учился в Ленинградском и Московском университетах. С декабря 1929 г. работал заведующим Антирелигиозным музеем, открытым в помещении бывшего Новгородского кафедрального Софийского собора. Состоял членом НОЛД. В 1933 г. был арестован по делу РСХД, осужден и отбывал наказание в лагерях ГУЛАГа. После освобождения вернулся в Новгород, работал археологом. Оставаясь (по причинам личного характера) в оккупированном Новгороде до лета 1942 г. (в том числе недолгое время исполняя обязанности бургомистра Новгорода), добровольно взял на себя охрану новгородских неэвакуированных культурных ценностей, а после их перемещения во Псков и Ригу уже на новом месте проводил инвентаризацию и составлял списки бывшего музейного имущества. После войны, оказавшись в американской оккупационной зоне, активно участвовал в возвращении новгородских и псковских ценностей на родину. Значительную часть жизни прожил в Западной Германии. Вместе с тем не принял германского гражданства, оставаясь человеком без паспорта, с временным удостоверением перемещенного лица. В СССР на Пономарева было заведено следственное дело. Однако преступлений в его деятельности в годы ВОВ выявлено не было, в связи с чем розыск на него не объявлялся (Коваленко, Маркина, 1994. С. 140; Маркина, 2006. С. 62; Пономарев В. С. Судьбы монументальных памятников Великого Новгорода. Вступ. ст. и публ. Н. Н. Гринева. *Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника*. 2005. Великий Новгород, 2006. С. 228–229; Ярош, 2000. С. 104, 109).

⁴⁸ Коваленко, Маркина, 1994. С. 137.

⁴⁹ АУФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-66878. Т. 7. Л. 48, 50; см. также: Ковалев, 2020. С. 458 со ссылкой на АУФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-66878. Т. 1. Л. 28; С. 468 со ссылкой на: АУФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-66878. Т. 5. Л. 12–13.

⁵⁰ Коваленко, Маркина, 1994. С. 134, 138–139, 142.

Проводимая ими работа по учету и охране культурных ценностей была использована органами ОГПУ против них самих⁵¹.

Крайне негативную роль в судьбе новгородских музейщиков сыграл антрополог, историк культуры **Владимир Васильевич Передольский** (1869–1936), наследник (с 1907 г.) семейного Музея древностей, созданного в Новгороде в 1880-х годах. По-видимому, он так и не смог смириться с тем, что коллекции частного музея его семьи (25 000 предметов и богатейшая библиотека) в 1929–1930 гг. были реквизированы и переданы новгородским государственным музеям⁵². **Передольский** утверждал, что лица из новгородского музейного сообщества, привлеченные к следствию, участвовали в хищениях музейных ценностей и готовили террористические акты. Показания **Передольского** были использованы при подготовке итогового обвинительного заключения⁵³.

Н. Г. Порфиридов в инкриминированных ему деяниях виновным себя не признал. Тем не менее Коллегия ОГПУ в судебном заседании 7 мая 1933 г. приговорила его (по ст. 58–10, 11 УК РСФСР) к пяти годам лишения свободы⁵⁴. В 1935 г. **Порфиридова** направили на работу в Ухтинский горно-нефтяной техникум Горно-металлургического управления НКВД СССР. В 1936 г. из заключения он был освобожден (досрочно). В 1936–1941 гг. преподавал в Новгородском педагогическом институте и в Институте имени И. Е. Репина Академии художеств СССР: читал курсы фольклора, древнерусской литературы и древнерусского искусства. С образованием в декабре 1938 г. Новгородской секции Института истории АН СССР стал ее ученым секретарем (единственный штатный сотрудник). С началом Великой Отечественной войны участвовал в эвакуации экспонатов Новгородского государственного музея. В 1941–1945 гг. преподавал филологические дисциплины в Тюменском педагогическом институте, сначала в качестве старшего преподавателя, затем и. о. доцента (без научной степени) по кафедре русского языка и литературы. В марте 1945 г. защитил в Институте истории материальной культуры АН СССР диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Памятники Новгородской эпиграфики как исторический источник». В августе 1945 г. покинул Тюмень, но в Новгород не вернулся. С 1945 по 1962 г. работал в Ленинграде в Государственном Русском музее, в 1945–1948 гг. занимал должность заведующего Секцией древнерусского прикладного искусства, с 1948 по 1962 г. — заведующего Отделом древнерусского искусства. С 1962 г. вышел на пенсию. Умер в Ленинграде в 1980 г.⁵⁵

В апреле 1989 г. **Н. Г. Порфиридов**, а также **А. Н. Павлович**, **В. С. Пономарев**, **С. М. Смирнов** и др. были реабилитированы за отсутствием состава преступления⁵⁶.

⁵¹ Ярош, 2000. С. 109.

⁵² Маркина, 2006. С. 55–56, 62.

⁵³ Ковалев, 1998. С. 149–150.

⁵⁴ АУФСБ России по СПб и ЛО. Д. П-66878. Т. 7. Л. 83.

⁵⁵ Ковалев, 2020. С. 462–463 со ссылкой на: Д. П-66878. Т. 5. Л. 4, 6 об.; Маркина, 2001. С. 107; Маркина, 2006. С. 63; Порфиридов Н. Г. *Новгород, 1917–1941: воспоминания*. С. 4–8, 247; Ярош, 2000. С. 111 и др.

⁵⁶ Коваленко, Маркина, 1994. С. 144; Ярош, 2000. С. 109 и др.

Литература

- Алексеева И. А. 2007. *История всемирного христианского молодежного движения в России*. М.: АИРО-XXI.
- Алексеева И. А. 2013. *Всемирное христианское молодежное движение в России в конце XIX — начале XX в.* М.: Изд-во МГУ.
- Гуревич А. Л. 2003. *История деятельности Русского студенческого христианского движения: 1923–1939 гг.* М.: Спутник+.
- Ковалев Б. Н. 1998. «Дело» Новгородского музея. *Интеллигенция Новгородской земли: проблемы и судьбы: материалы научной конференции (18 ноября 1997 г.)*. М.: Великий Новгород: 147–150.
- Ковалев Б. Н. 2020. «Великий перелом» новгородских музеев (Борис Шевяков, Николай Порфиридов, Василий Пономарев и другие...). *Новгородский исторический сборник* 19 (29): 456–470.
- Коваленко Г. М., Маркина Г. К. 1994. Следственное дело № 76. *Новгородское общество любителей древности и краеведческие традиции: материалы конференции, посвященной 100-летию образования Общества (25 мая 1994 г.)*. Великий Новгород: 134–144.
- Крапивин М. Ю. 2018. Место и роль 7-го специального отделения Секретного отдела ВЧК в процессе реализации государственной политики по отношению к Православной Российской Церкви (декабрь 1917 — февраль 1922 г.). *Российское православие от модерна к сегодняшнему дню (конец XIX — конец XX в.): проекции Великой русской революции в истории и историографии: сб. мат-лов междунар. науч. конф.* М.: Изд-во Ипполитова: 126–135.
- Крапивин М. Ю. 2023. Письмо старого большевика М. С. Ольминского председателю Совнаркома РСФСР В. И. Ленину по вопросу обеспечения сохранности ценностей Оружейной палаты Московского Кремля (7 мая 1922 г.). *Вопросы музеологии* 1 (14): 17–36.
- Любчикова Е. А. 2000. В. А. Квашонкин и его коллекция новгородских древностей. *Судьбы музейных коллекций: материалы VI Царскосельской научной конференции*. СПб.: 271–277.
- Маркина Г. К. 2000. *Новгородские музеи, 1917–1941: к 135-летию Новгородского государственного объединенного музея-заповедника*. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.
- Маркина Г. К. 2001. Порфиридов Николай Григорьевич. *Российская музейная энциклопедия в 2 т.* Т. 2. М.: Прогресс; Рипол-классик.
- Маркина Г. К. 2004. «Все эти музеи собирал своими руками, разве можно забыть эти радости?» К 100-летию со дня рождения Н. Г. Порфиридова (1893 — янв. 1980 г.). *Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника*: 136–143.
- Маркина Г. К. 2006. Летопись музейного дела в Новгородском крае (1865–1999). *Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника*: 54–94.
- Моисеев С. В. 1998. Музейный деятель и краевед протоиерей Анатолий Никифоровский. *Интеллигенция Новгородской земли: проблемы и судьбы: материалы научной конференции (18 ноября 1997 г.)*. М.; Великий Новгород: 50–55.
- Петров М. Н. 1987. *Хранить вечно: из истории борьбы с контрреволюционными выступлениями на Новгородчине*. Л.: Лениздат.
- Петров М. Н. 1995. *ВЧК — ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России)*. Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого.
- Секретарь Л. А. 2006. Деятельность Новгородского губернского музея и Общества любителей древности по сохранению культурного наследия монастырей (1917–1934). *Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника*: 109–118.
- Скоркин К. В. 2010. *На страже завоеваний Революции. Местные органы НКВД — ВЧК — ГПУ РСФСР, 1917–1923: справочник*. М.: ВивидАрт.
- Скоркин К. В. 2011. *Обречены проиграть. (Власть и оппозиция 1922–1934)*. М.: ВивидАрт.
- Ярош Л. И. 1999. Организация музейного дела и охраны памятников в Новгородской губернии (1917–1927). *Новгородский архивный вестник* 1: 184–215.
- Ярош Л. И. 2000. Новгородские музеи в составе музейной сети Ленинградской области (1927–1944). *Новгородский архивный вестник* 2: 99–124.

Статья поступила в редакцию 24 июня 2023 г.;
рекомендована к печати 15 октября 2023 г.

Контактная информация:

Крапивин Михаил Юревич — д-р ист. наук, проф.; m.krapivin@spbu.ru, mihailekrapivin61@yandex.ru

Order of the Presidium of the All-Russian Extraordinary Commission to all provincial emergency commissions No. 54 (dated April 29, 1920) on provincial commissions “for the protection of monuments of art and antiquity”

M. Yu. Krapivin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Krapivin M. Yu. 2023. Order of the Presidium of the All-Russian Extraordinary Commission to all provincial emergency commissions No. 54 (dated April 29, 1920) on provincial commissions “for the protection of monuments of art and antiquity”. *The Issues of Museology* 14 (2): 302–320. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2023.213> (In Russian)

Bodies of the Cheka — GPU — OGPU for many years collected and analyzed information about the processes that took place in various social strata, national, confessional, professional groups (in certain regions and across the country as a whole). The efforts of the Chekists were aimed at curbing covert and open opposition to Soviet power on the part of political opponents of the regime. Among other things, the authorities were interested in the mindset among civil servants, as well as among the scientific and creative intelligentsia. On April 29, 1920, the Presidium of the All-Russian Extraordinary Commission issued order No. 54, addressed to the territorial bodies of the Cheka, with instructions to collect data on the activities of the provincial commissions “for the protection of monuments of art and antiquity”. The Chekists, first of all, were interested in information about the connections of museum employees with the clergy and teaching staff of the former religious educational institutions. Below is a list of information provided by employees of the Novgorod provincial Cheka and sent by them in parallel to the Secret Department of the Cheka and to the VIII Department of the People’s Commissariat of Justice of the RSFSR. The publication is carried out according to the original copy deposited in the A-353 fund of the State Archive of the Russian Federation. The document is accompanied by detailed comments, in particular, information about the employees of Novgorod museums: A. V. Nikiforovsky, S. K. Matveevsky, V. A. Kvashonkin and others. Particular attention is paid to the ups and downs of the biography of N. G. Porfiridov, a landmark person in the and one of the defendants in a large-scale criminal case initiated in January 1933 by employees of the Plenipotentiary Representation of the United State Political Directorate in the Leningrad Military District against a large group of people, including museum workers and local historians.

Keywords: All-Russian Extraordinary Commission; United State Political Administration; The Main Committee for the Affairs of Museums and the Preservation of Monuments of Old Art and Nature of the People’s Commissariat for Education of the RSFSR (Glavmuseum); provincial commission for the protection of monuments of art and antiquity; museums of Veliky Novgorod; Christian (biblical) student circles; Russian Student Christian Movement.

References

- Alekseeva I. A. 2007. *History of the worldwide Christian youth movement in Russia*. Moscow: AIRO-XXI Publ. (In Russian)
- Alekseeva I. A. 2013. *World Christian Youth Movement in Russia I in the late 19th — early 20th centuries*. Moscow: Moscow University Press. (In Russian)
- Gurevich A. L. 2003. *History of the Russian Student Christian Movement: 1923–1939*. Moscow: Sputnik+ Publ. (In Russian)
- Kovalenko G. M., Markina G. K. 1994. Investigation case No. 76. *Novgorodskoe obshchestvo liubitelei drevnosti i kraevedcheskie traditsii: materialy konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu obrazovaniia Obshchestva (25 maia 1994)*. Velikiy Novgorod: 134–144. (In Russian)
- Kovalev B. N. 1998. “Case” of the Novgorod Museum. *Intelligentsiia Novgorodskoi zemli: problemy i sud’by: materialy nauchnoi konferentsii (18 noiabria 1997)*. Moscow; Velikiy Novgorod: 147–150. (In Russian)

- Kovalev B. N. 2020. The “Great Break” of Novgorod Museums (Boris Shevyakov, Nikolai Porfiridov, Vasily Ponomarev and others...). *Novgorodskii istoricheskii sbornik* 19 (29): 456–470. (In Russian)
- Krapivin M. Yu. 2018. Place and role of the 7th special department of the Secret Department of the All-Russian Extraordinary Commission in the process of implementing state policy towards the Orthodox Russian Church (December 1917 — February 1922). *Rossiiskoe pravoslavie ot moderna k segodniashnemu dniu (konets XIX — konets XX v.): proektsii Velikoi russkoi revoliutsii v istorii i istoriografii: sb. materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow: Ippolitov Publ.: 126–135. (In Russian)
- Krapivin M. Yu. 2023. Letter from the old Bolshevik M. S. Olminsky to the Chairman of the Council of People’s Commissars of the RSFSR V. I. Lenin on the issue of ensuring the safety of the valuables of the Armory Chamber of the Moscow Kremlin (May 7, 1922). *The Issues of Museology* 1 (14): 17–36. (In Russian)
- Lyubchikova E. A. 2000. V. A. Kvashonkin and his collection of Novgorod antiquities. *Sud’by muzeinykh kolleksii: materialy VI Tsarskoseł’skoi nauchnoi konferentsii*. St. Petersburg: 271–277. (In Russian)
- Markina G. K. 2000. *Novgorod museums, 1917–1941: To the 135th anniversary of the Novgorod State United Museum-Reserve*. Velikiy Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi ob’edinennyi muzei-zapovednik Publ. (In Russian)
- Markina G. K. 2001. Porfiridov Nikolai Grigorievich. *Rossiiskaia muzeinaia entsiklopediia* in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Progress Publ.; Ripol-klassik Publ. (In Russian)
- Markina G. K. 2004. “I collected all these museums with my own hands, how can you forget these joys?” To the 100th anniversary of the birth of N. G. Porfiridov (1893 — January 1980). *Ezhegodnik Novgorodskogo gosudarstvennogo ob’edinennogo muzeia-zapovednika*: 136–143. (In Russian)
- Markina G. K. 2006. Chronicle of Museum Affairs in the Novgorod Territory (1865–1999). *Ezhegodnik Novgorodskogo gosudarstvennogo ob’edinennogo muzeia-zapovednika*: 54–94. (In Russian)
- Moiseev S. V. 1998. Museum worker and local historian Archpriest Anatoly Nikiforovsky. *Intelligentsiia Novgorodskoi zemli: Problemy i sud’by: Materialy nauchnoi konferentsii (18 noiabria 1997 g.)*. Moscow; Velikiy Novgorod: 50–55. (In Russian)
- Petrov M. N. 1987. *To keep forever: From the history of the struggle against counter-revolutionary actions in the Novgorod region*. Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russian)
- Petrov M. N. 1995. *VChK — OGPU: The first decade (on the materials of the North-West of Russia)*. Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet im. Iaroslava Mudrogo Press. (In Russian)
- Secretary L. A. 2006. Activities of the Novgorod Provincial Museum and the Society of Antiquity Lovers in Preserving the Cultural Heritage of Monasteries (1917–1934). *Ezhegodnik Novgorodskogo gosudarstvennogo ob’edinennogo muzeia-zapovednika*: 109–118. (In Russian)
- Skorkin K. V. 2010. *On guard of the gains of the Revolution. Local bodies of the NKVD — VChK — GPU of the RSFSR, 1917–1923: A reference book*. Moscow: VividArt Publ. (In Russian)
- Skorkin K. V. 2011. *Doomed to lose. (Power and opposition 1922–1934)*. Moscow: VividArt Publ. (In Russian)
- Yarosh L. I. 1999. Organization of museum work and protection of monuments in the Novgorod province (1917–1927). *Novgorodskii arkhivnyi vestnik* 1: 184–215. (In Russian)
- Yarosh L. I. 2000. Novgorod museums as part of the museum network of the Leningrad region (1927–1944). *Novgorodskii arkhivnyi vestnik* 2: 99–124. (In Russian)

Received: June 24, 2023

Accepted: October 15, 2023

Author’s information:

Mikhail Yu. Krapivin — Dr. Sci. in History, Professor; m.krapivin@spbu.ru